

kteřá je v knize skupinou nejpestřejší a nejpočetnější (43—129), je tak atomizována na drobnější pododdělení, že přehlednost tím značně trpí. Škoda, že alespoň vhodnou grafickou úpravou není tato nepřehlednost poněkud zmenšena.

Ke knize je připojena bibliografie, a to hlavních pramenů, tištěných a vztahujících se k výkladu příjmení, výběr z literatury předmětu jak české a slovenské, tak i německé a francouzské. Literaturu bylo by možné jistě ještě doplnit. Tak např. u Profousových Místních jmen v Čechách neuvádí se díl pátý, nevzpomíná se Zpravodaj Místopisné komise ČSAV apod.

Beneš snesl ve své monografii s podivuhodnou pilí velký a cenný materiál z nejrůznějších pramenů novodobých (adresářů, schematismů, denního tisku, literatury apod.), historických a národopisných, ale pokusil se poměrně zřídka o výklad. Nadmíru skoupý je autorův výklad o skloňování a přechylování příjmení (311—313), ačkoli zde právě praktické zřetele by vyžadovaly poučení velmi důkladného. Platí to např. o příjmeních na *-eš* (je možno skloňovat *Alše* i *Aleše*, *Marše* a *Marše* apod.), o příjmeních s příponou *-ek* (v Prachaticích slyšal autor tvary *Tureková*, *Broučková* apod.).

Závažný nedostatek Benešovy knihy vidím v tom, že není u ní rejstřík jmen, jaký má např. Kotlík. To konkrétně znamená, že některé jméno hledají čtenáři často marně i na místech, kde by je podle jeho významu čekali nejpravděpodobněji. Tím spíše mají potíže se jmény těžšími, jako jsou např. *Kárník* (= muž vozící náklady na káře), *Pelnář* (= perníkář), *Selucký* (= člověk z vesnice zvané Seloutky), *Šarapatka* (= pův. tříhalérový peníz) aj. To odradí zhusta i nepřelivějšího neodborného čtenáře.

Alois Gregor

Milan Romportl: Zvukový rozbor ruštiny (K akustické klasifikaci ruských hlásek)
Praha, SPN, 1962, 427 s., 26 obr. příl.

Акустический аспект стал рассматриваться наравне с артикуляционным (биологическим) аспектом только во 2-ой пол. нашего века. Последние попытки дать акустическую классификацию звуков речи датируются концом 40-ых годов XX-ого века. У нас после выхода в свет значительной работы Богуслава Галы в области фонетики: „Акустическая сущность гласных“, Прага 1941 г., французское издание: „Nature acoustique des voyelles“, Acta Universitatis Carolinae, Praha 1957, недавно была опубликована работа, касающаяся этой же области, его ученика М. Ромпортла.

М. Ромпортл, занимавшийся акустическим аспектом гласных уже в некоторых своих ранних работах как-то: „Фонетический очерк о русском „и““ (Slavia 22, 1953 г., стр. 529—576; Рецензия: Вопросы языкознания 5, 1956 г., ном. 1, стр. 251 Н. А. Кондрашов); „Мелодия русского и чешского предложения“ (Sovětská jazykověda 4, 1954 г., стр. 207—222; Рецензия: НР 38, 1955 г., стр. 53 З. Тыл; Literární noviny 3, 1954 г. ном. 28 из 10. 7. 1954 г., Вопросы языкознания 3, 1956 г., ном. 1, стр. 152); „Каковы основные задачи сравнительного изучения интонации и предложения в славянских языках?“ (Сборник ответов на вопросы по языкознанию, Москва 1958 г., стр. 146—148); „Краткая фонетика русского языка“ (СПН Прага, стр. 164), теперь, основываясь на приведенных нами выше работах, пишет следующую свою работу непосредственно касающуюся акустической классификации русских звуков и их различительных признаков. Кроме того, данная работа является попыткой дать классификацию фонем.

Очерк является результатом целого ряда исследований, которые автор проводил на протяжении двенадцати лет на материале русского языка. Он стремился дать систематический анализ акустических свойств отдельных звуковых элементов русского языка. К достижению своей цели автор использовал все самые необходимые методы акустического анализа. На основе этих экспериментов он смог сделать важные выводы, постигнуть элементарные принципы акустической классификации и оценить значение отдельных акустических элементов, которые были в результате анализа открыты, элементов, которыми отличается произносительная разновидность одной русской фонемы от реализации других фонем.

Ромпортл сосредоточивает свое внимание на акустической сущности главных особенностей, которыми отличаются русские фонемы, указывает, основываясь на своих анализах, на связь между этими фонемами и дает приближительную картину того, как была образована русская звуковая система. В качестве главного метода был использован метод анализа звуков при помощи сонографа (Visible Speech). При этом М. Ромпортл использовал усиление высоких частот, так как его интересовал и анализ согласных, часто характеризующихся шумами высоких частот. При исследовании автор использовался и методом слухового анализа. Следующим главным его методом было применение комбинированного спектрографа РФТ ССР 10 и сегментатора др. П. Яноты из Фонетич-

ческого кабинета Карлова университета. (II. Явота — М. Ромпортл: Ein Beitrag zur phonetischen Methodik, AUC 1959 — Philologica 1, стр. 17—28.) Все эти методы дополнились собственным слуховым контролем, а именно, как непосредственным, так и слушанием магнитофонных записей, грамофонных пластинок, звукового фильма. Часто Ромпортл пользовался слуховым контролем побочных русских. Исследовались выступления без ярких диалектных отклонений, т. е. те выступления, которые считались литературными.

Данная работа разделена на две части. Первой является аналитическая часть, в которой автор касается разборов акустической сущности звуков русского языка. В этой части дается разбор звуков с чисто фонетической точки зрения. Автор дает подробный анализ произношения отдельных фонем в различных позициях, выделяет аллофоны (отдельные варианты фонем), отмечает особенности, характеризующие отдельные варианты фонем. Артикуляционной части автор касается только там, где это необходимо для понимания достигнутых акустических результатов в процессе артикуляции. В области артикуляции Ромпортл опирается преимущественно на результаты существующих до сих пор работ, напр. на известную работу Н. Конечны—W. Zawadowskeho: *Obrazy rentgenograficne glosek rosyjskich*, Warszawa 1956 г., (Наша рецензия в Zft. f. Phonetik 10, 1957 г. стр. 289 и д.; Čsl. rusistika 1958 г., стр. 66 и д.), кое-где приводит примеры собственных исследований не только ранее опубликованных, но и проведенных в последнее время (наблюдений за артикуляцией губ).

Исходя из традиционного деления на гласные и согласные, автор приступает к изучению звуковой системы. Подробно разбирает вопрос ударяемых гласных, т. е. основную форму гласных, их лабиализацию и веляризацию. Далее автор переходит к исследованию гласных и первой степени палатализации, а именно: к палатализации прогрессивной и регрессивной. Чертами главного элемента в русском языке, „ударяемости“ считаются: различие в силе, в богатстве акустического спектра, в длительности и полном или рудиментарном движении основного тона. Система ударяемых состоит из пяти членов (i, e, a, o, u), система неударяемых — из трех членов (ɤ, ǎ, ǔ). Анализ показал степень возможного слияния вариантов некоторых фонем. Далее анализ показал полное совпадение различителей фонемы ɤ и ǎ во II степени редукции после мягких согласных, I и II степень редукции наступает как в положении твердых согласных, так и после мягких, а это явление надо принимать во внимание. В положении после твердых шипящих система гласных состоит из четырех членов. Кроме форм редукции предусмотренных законами фонетики, встречается редукция и там, где говорящий стремится облегчить понимание сообщения, т. е. в абсолютном начале слова и в некоторых грамматических окончаниях. Из всего исследования гласных вытекает следующее. Существует большая разница в произношении одного гласного не только в результате разной позиции его положения. Различается произношение отдельных гласных и их вариантов и в произношении разных людей. А кроме того, наблюдаются разные оттенки одного и того же гласного в произношении одного лица. Устойчивость и константность отдельных акустических компонентов, которые встречаются в произношении гласных, также различны. Для гласных считаются типичными только усиления тонового (периодического) характера, а именно два усиления, т. е. усиления двух первых формант. От них зависит распознавание звука, которое при устранении усиления делается либо совсем невозможным, либо мало различаемым. Остальные усиления спектра нет необходимости считать для гласного типичными. Высота формант отдельных гласных в произношении различных лиц различна.

При анализе согласных автор придерживается того же принципа как и у гласных. До сих пор вопросу анализа согласных уделялось меньше внимания, чем анализу гласных. Причина прежде всего заключалась в затруднениях, которые возникали при исследовании шумных элементов. Исследование показало, что при изучении согласных необходимо брать во внимание характер шума, его высоту, процесс этого шума. Однако не следует забывать и о других обстоятельствах.

Анализируя отдельные согласные, М. Ромпортл исходит из их артикуляционных свойств. Он показывает, как выглядят гласные при слуховом анализе в процессе работы сегментатора, указывает, насколько влияет соседство согласного на звучание крайних фаз соседнего гласного, дает обзор акустических свойств, обнаруженных при звучании. При анализе согласных автор придерживается традиционной системы. Он рассматривает не только шумные смычные и шумные целевые, касаясь при том разбора твердых шипящих, удвоенных мягких шипящих и согласного j, но и дает анализ аффрикат, плавных, и, наконец, носовых согласных.

Из анализа шумных смычных ясно видно, что они характеризуются либо абсолютной паузой, если речь идет о глухих согласных, либо паузой, окрашенной глубоким слабым тоном, если речь идет о звонких согласных. Эксплозии сосредоточена на конце продолжительности звучания согласного. Шум очень краткий. Распространение центров усиления у отдельных категорий согласных различно.

Третьим признаком является движение формант соседних гласных в фазах, находящихся в соседстве с звонкими согласными. (Анализу шумных смычных посвятил М. Ромпорти статью „K акустической сущности и классификации шумных смычных“, *Slavica Prag*, 4, *Havránkův sborník* 1962 г., стр. 76 и д.)

Сущность шумных щелевых заключается в присутствии характерного шума в процессе звучания звука. Его сила бывает, за исключением пипящих, значительно слабее, чем сила у соседних гласных. У глухих согласных различается чистый шум, а у звонких согласных он окрашен глубоким слабым гортанным тоном. Исключением является согласный *j* и отчасти *v*, у которых вместо шума слышится усиление периодического характера. Довольно характерным является также движение соседних формант в фазах, находящихся в соседстве с согласным.

Из опытов, проведенных с африкатами, вытекают следующие выводы. Речь идет о согласных, у которых найдено характерный шум только определенный, хоть и большей части звука. Сначала этот шум бывает слабым, а в конце его спектор его звучания усиливается. Пауза перед шумом более краткая, чем у шумных смычных. Расположение главных усилений шума отвечает расположению, его и твердых шипящих (для *ц*) и у мягких шипящих тупых (для *ч*). Движение формант соседних гласных отвечает их движению в соседстве родственных звуков.

Характеристика плавных дается тоновым характером главных усилений, но по-разному у латеральных сонантов и у дрожящих сонантов. При разной концентрации главных усилений возникло различие между твердыми и мягкими согласными. Основной особенностью, возникшей при исследовании носовых, является тоновой периодический характер главных усилений в процессе длительности звучания, который у этих согласных более выразителен, чем у плавных.

При анализе носовых большой разницы в составе этих главных усилений обнаружено не было. Несколько большим усилением отличается только *m*. Движение формант в начальной и конечной фазах различно в зависимости от соседства гласных, главным образом потому, что речь идет о движении второй форманты. (Акустическому анализу носовых М. Ромпорти посвятил специальную статью „Zur akustischen Analyse und Klassifizierung der Nasale, *Wiss. Zs. Univ. Halle* 9, 1962 г., стр. 1653 и д.)

Общий анализ согласных установил, что звуковой элемент, которым принято обозначать согласный, характеризуется некоторыми акустическими чертами, заключающимися в длительности различных вариантов этого звука. Кроме того, наблюдаются еще некоторые черты, проявляющиеся при замене движения формант соседних гласных. У большинства согласных возникают усиления, создающие акустический спектр согласного неперриодический, шумовой. Наоборот у плавных, носовых, в большинстве случаев у *j* и отчасти у *v* акустический спектр характеризуется как периодический, тоновой, как это имеет место у гласных. Состав шума (тона) у отдельных категорий звуков различен.

Основываясь на исследовании, которым посвящена первая часть работы, автор приступает ко второй, синтетической части своей работы, которую можно назвать фонетическо-фонологической. Однако внимание автора сосредоточено на данных фонетических исследований, которые, кстати, М. Ромпорти использовал к фонетической классификации звуков. Автор выделяет различительные особенности фонем русского языка и разбирает акустическую сущность этих свойств или сущности этих свойств. Он также стремится постигнуть структуру этих различительных особенностей элемента. К различительным элементам фонем автор относит наличие или отсутствие различительных особенностей.

Кроме обыкновенных противопоставлений бинарных, могут быть противопоставления трехчленные, которые не следует исключать. С одной стороны существуют противопоставления универсальные, а это значит, что в них принимают участие все фонемы конкретного языка, с другой стороны противопоставления специальные. Универсальными противопоставлениями являются противопоставления, оппозиции, вокальности и консонантности (ингерентности и трансгрессивности). Ингерентными являются гласные, трансгрессивными — согласные. Энергия вокальных фонем больше, чем фонем консонантных. Наряду с этим универсальным противопоставлением существует и про-

tivoopostavenie toновой и шумовой структуры. Тональными являются те фонемы варианты которых характеризуются основными периодическими усилениями (т. е. гласные, сонорные). Фонемы, в реализации которых основой являются непериодические усиления (т. е. остальные согласные) — относятся к шумным. Специальным противопоставлением у гласных является противопоставление ударяемости и неударяемости, причем, противопоставление ударяемости считается самым высоким. Следующими противопоставлениями являются противопоставления высоты первого форманта и противопоставление высоты другого форманта. В заключении анализа гласных М. Ромпортл характеризует систему русских гласных.

В системе согласных противопоставлением является противопоставление длительности и мгновенности, отличающее шелевые, аффрикаты и плавные от смычных и носовых. Опозиция концентрированности и дисперсности противопоставляет согласные с характерным шумом (тоном) концентрированным в относительно узкую область частот или с одним центром а в то же время с одним пунктом, к которому направляются начальные, концевые части формант соседних гласных (локусом), и согласные с шумом рассеянным (с двумя или более основными центрами), и также с широкой областью, в которую направляется вторая форманта. Концентрированными являются лабиальные, передние алвеолярные, дисперсными являются веларизованные, в некоторых случаях заднеязычные алвеолярные. Противопоставлением высокого и низкого центра усиления отличаются согласные с главным глубоким центром (и локусом), и шумом малой интенсивности от согласных с центром (и локусом) высоким и шумом интенсивным. Глубокими являются лабиальные, (а также плавные, в некоторых случаях и веларизованные), высокими переднеязычные и заднеязычные алвеолярные (сюда же относится и палатализованный *j*). В противопоставлении одиночности и геминации принимают участие в русском языке только шипящие. Кроме этого, автор касается вопроса противопоставления гомогенности и негомогенности. Противопоставлением отличаются звонкие (и менее интенсивные) от глухих (и более интенсивных), противопоставлением твердые (т. е. с низким шумом или тоном (от мягких)) с высоким шумом того же рода). Все противопоставления в системе русских согласных представляются нам бинарными.

Своей работой М. Ромпортл доказывает, что нельзя отрывать или даже противопоставлять фонетику фонологии.

Необходимо отметить то обстоятельство, что автор имеет в виду применение результатов своего исследования не только в области теории лингвистики, но и при решении вопросов такого конкретного характера, как применение результатов экспериментов в педагогической практике, далее при решении проблем перевода текста машинами или с целью управления автоматическими машинами, устройством при помощи приказа. Автор провел тщательную классификацию своих изложений. Очень органично включены в работу ссылки на результаты ранних исследований в данной области. Интересен тот факт, а учителя автора Бог. Галу естественно, это обстоятельство порадует, что исследования, проведенные современными методами, подтверждают результаты исследований самого Галу в области акустики вокалов, проведенных старыми примитивными методами, касалось ли это экспериментов в области влияния формант отдельных гласных, или мысли, что для характеристики гласных являются два основных репакющих форманта а что остальные можно считать сопровождающими, или что форманты даны не одним тоном, а двигаются в определенной области. К работе прилагается резюме, написанное по-русски и по-немецки.

Jaroslava Trojanová

Liljana Dončeva: Vyraženie prjamoĝo dopolnenija v russkich i bolgarskich otricatel'nyh predloženijach. Godišnik na Sofijskija universitet tom 56, filologičeski fakultet, s. 173—245.

Ve výtahu ze své kandidátské práce bulharská rusistka Liljana Dončevová si všimá jevu, který v ruském mluvnictví není dorešen a v bulharském se teprve začíná řešit. Jde jí o otázku, jak spolu souvisí ruský a bulharský způsob vyjadřování přímého předmětu u sloves vyjadřujících zápor. V ruštině tu lze užít buď genitivu nebo akusativu jména (*ne pročítal stranicy × stranicu*), v bulharštině může být jméno buď bez členu, nebo se členem (*ne pročetoč stranica × stranicata*). Na základě velmi podrobného materiálového rozboru dospěla autorka k potvrzení teorie, formulované Reformatským (*Vvedenie v jazykoznanije*, Moskva 1960, s. 242), totiž: ruština, v níž není gramatikalizována kategorie určenosti, používá u přímého předmětu záporových sloves k vyjádření určenosti pádu substantiva. — Autorčin materiál jasně potvrzuje, že tam, kde má ruština genitiv záporový (*ne ljubit šuma*), není v bulharštině člen (*ne običa šum*) a naopak za ruský akusativ